

Художник Михаил Кудреватый: Петербургская быль

А. Ю. Мудров

Среди тех, кто сегодня определяет лицо изобразительного искусства Санкт-Петербурга, не заметить Михаила Кудреватого невозможно. И большие городские смотры – «академические» и «союзовские», и показы произведений в Москве и за рубежом, а также почти тридцатилетний опыт преподавания в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина – такова творческая практика Михаила Георгиевича Кудреватого.

Живописец, художник-монументалист, рисовальщик, главным объектом своего творчества он сделал родной город, страницы его истории, людей. Ленинградец-петербуржец по рождению и не в первом поколении, он «прикипел» к родному городу.

Профессию Михаил Кудреватый постигал в имеющей богатые традиции Ленинградской СХШ (средней художественной школе, ныне – Лицей) при Репинском институте, а затем – в самой «Академии», как величали всегда институт. Заканчивал институт Михаил по мастерской монументальной живописи профессора А. А. Мыльникова. У знаменитого академика Михаил Кудреватый и стажировался в творческой мастерской монументальной живописи Академии художеств СССР. Среди его педагогов и другие известные мастера – А. Л. Королев, В. А. Горб, И. П. Веселкин, В. С. Песиков.

Дипломной работой художника было мозаичное панно «Народовольцы» (1981) для Музея-крепости «Орешек», или Шлиссельбургской крепости, в XVIII – начале XX столетия служившей политической тюрьмой Российской империи. Композиция выполнена в торжественно-монументальном ключе. Даже с позиций сегодняшнего дня, когда революционные события в России исторической наукой и государствен-

ной идеологией трактуются отлично от установок 1980-х годов, работу М. Кудреватого можно рассматривать как удачную творческую попытку отразить с большой художественной силой цельность характеров, стойкость и убежденность в правоте своего дела революционеров-народовольцев, навязывавших свой, казавшийся им единственно верным, путь развития России во второй половине XIX века.

Историческая тема в творчестве художника начала преобладать уже в середине 1980-х годов. Волнующими темами стали для него переломные моменты истории России конца XIX – начала XX столетия.

В 1985 году художник написал большое полотно «Декрет о мире». Тема эта не была нова в советской живописи. (Публичное объявление ленинских декретов, их «громкая читка», обсуждение рабоче-крестьянскими или воинскими «революционными массами» – чаще всего именно такие патетические, развернуто-повествовательные сюжеты воплощались художниками). Сюжетно картина Михаила Кудреватого читается, безусловно, как трагическое повествование о времени революции и Гражданской войны. Несколько бойцов русской армии, воткнув штык в землю (в одной группе), в другом случае – превратив штык в древко флажка, и с ними – сестра милосердия пытаются продемонстрировать листовку (или газету) с Декретом о мире противостоящей военной силе – невидимым зрителями солдатам из окопов напротив. Лица всех персонажей напряжены. Радость момента отсутствует. Хотя, казалось бы, что есть лучше в мире, чем сам мир?! Заснеженное поле с окопом на горизонте заканчивается изображением храма, еще не разрушенного. Русская история – русская трагедия.

В Царском Селе.
1990 г. Холст, масло

К трагическим темам русской истории XX столетия художник обращался неоднократно. В 1990 году он написал полотно «В Царском Селе», в котором попытался приподнять завесу над историческими событиями и персонажами, которые до сих пор вызывают жаркие споры и неоднозначные оценки. Действующими лицами полотна являются венценосные супруги, наследник престола и Григорий Распутин. Последний вступает в воду царско-сельского пруда с юным царевичем на плечах. Фигура неистового «старца» полна энергии, в отличие от безучастного, отстраненного ребенка. Перспектива картинного пространства уходит вдаль и замыкается Камероновой галереей. Николай II в военном мундире, с орденой лентой, императрица – в легком платье и боа, рядом – поджарая собака, оглядывающаяся на них. Безвольная пара, в руки которой была отдана огромная империя, изображена на фоне природы. Каза-

лось бы, весенняя зелень и голубое небо с легкими облачками должны подчеркнуть безмятежность происходящего, но невольно возникает ощущение зыбкости, неустойчивости, призрачности; состояние героев разнится, присутствует психологический разлад. Это подчеркивается и композиционно.

Второе полотно – «Семья» (1995), вероятно, создано как часть диптиха и повествует о последнем дне царской семьи. Перед мученической кончиной в Ипатьевском доме семья спускается в подвал. Император с царевичем на руках, юные великие княжны вслед за Александрой Федоровной. Композиция лаконична, за ее пределами оставлены царевни: первые – уже спустились в подвал, следующие за героями картины – также не в «кадре» композиции. Но подобное решение не делает картину менее трагичной. Нет, не тревога в выражении лиц, скорее – жертвенная обреченность, неизбежность, неотвратимость происходящего.

Насколько глубоко автор в оценке происходивших событий, насколько убедителен в воплощении коллизий, приведших к крушению империи, к масштабному историческому перелому? Однозначного ответа, пожалуй, нет. Но и художник задает этот вопрос снова и снова.

Десятилетие спустя Михаил Кудреватый вновь обратился к событиям переломного времени. Те же мысли в раздумьях о судьбах русских людей в эмиграции. На полотнах «Графская пристань», «Братья» (обе – 2007), «Сестры» (2006) высветятся трагические лица покидающих Родину в стремлении обрести покой, часто не только и не столько для себя, но для своих детей, близких; или отдаляющихся друг от друга, рвущих семейные, братские узы во имя призрачных идеалов.

В отечественной истории Михаил Кудреватый подчас находит людей, близких ему и по духу, и по родству. Так, в его творчестве появился портрет деда – морского офицера, участника Русско-японской войны 1904–1905 годов Михаила Матвеевича Кудреватого (1999).

Тревогой веет от полотна «Поэты и Судьба» (1990). Петроград. У Пяти углов Анна Ахматова и Николай Гумилев останвлены старой гадалкой. Рука поэта в руке

Семья.
1995 г.
Холст, масло

Портрет морского офицера
М. М. Кудреватого.
1999 г. Холст, масло

гадалки. Нетрудно догадаться о предназначениях прорицательницы. Психологически и портретно выверенные изображения Анны Андреевны и Николая Степановича написаны мастерски, убедительно. Образ гадалки несколько «размыт». Видимо, поэтому глубина передачи трагических черт и нот проистекает

из цельности портретных характеристик самих поэтов.

Самая трагическая страница в истории Петербурга – ленинградская блокада стала также темой живописного полотна художника. «Ленинградский трамвай» (2005) – единственный общественный транспорт блокадного города, явление

Поэты и Судьба. 1990 г. Холст, масло

легендарное и героическое. Это один из символов города и несгибаемости духа горожан. Несмотря на артобстрелы и бомбардировки, он передвигался по городу и доставлял рабочих на заводы, на оборонные работы, подвозил музыкантов, поддерживающих дух блокадников... На фоне красных всполохов от горящих зданий, рвущихся бомб и снарядов, яркого света прожекторов, по промерзшему городу с застывшими зданиями торжественной архитектуры, кажущимися призрачными, но в то же время – нерушимыми, «вечными», движется трамвай. Он наполнен людьми изможденными, но сильными духом, убежденными в своей победе, готовыми отдать за нее все свои силы. Такие же люди, стойкие и непоколебимые, ждут прибывающий трамвай... Таков сюжет полотна Михаила Кудреватого.

Делая героями своих полотен как исторические, так и безвестные персонажи, чаще всего жившие и творившие в Петербурге, художник особое приращение испытывает к самому городу. Даже если это жанровые и портретные композиции. «Дворцовая набережная» (1994): бурные волны Невы не дают причалить лодке у набережной. Не очень значительная сценка вместе с тем определяется художником как удачная возможность развернуть панораму Дворцовой набережной и части Невы осенью, с обычными для Петербурга порывистыми ветрами, продуваемыми набережными, бурной Невой, подчеркнуть величественный облик Невской столицы.

«Бабье лето» (1992): счастливые петербуржцы на набережной Мойки у дома с кариатидами, ставшими одним из петербургских символов, панорамный вид, замыкаемый куполом Исаакия. «Кафе на Невском» (2008): бытовая сценка, прием заказа в кафе Дома книги и окутанный дымкой дождливого воздуха «картинный вид» уходящего вдаль Невского проспекта с доминантой – башней Городской думы.

Петербургские набережные, берега рек и каналов очень часто в творчестве художника становятся «площадками» событий. «Дождь на Невском» (2000), «Аничков мост» (2000), «Троицкий мост» (2002) – городские пейзажи, в которых архитектурная гармония уникального

Вознесенский проспект. 2001 г. Холст, масло

города удачно сочетается с проявлениями современной жизни. Бурная жизнь Петербурга не определяет ритм тех районов исторического центра города, в которых творит и живет художник. Современная жизнь, ее ритмы художником рассматриваются в его индивидуальном творческом ключе. В них отсутствует драматизация, свойственная историческим полотнам живописца. Даже сосредоточенные лица ленинградцев, едущих в «час пик» в троллейбусе («Осенний мотив», 1986), лишены угрюмости или раздраженности. А просветленное лицо пришедшего на свидание юного моряка («Увольнение на берег», 1986), прячущиеся под зонтами на остановке горожане («На остановке», 1985), готовящаяся к экзаменам студенческая пара с коляской на фоне «звонкого» пейзажа невоской панорамы («Молодая семья», 1985), возвращающиеся не то с экзамена, не то со студенческой пирушки молодые люди у крылатых львов «хрестоматийного» Банковского моста («Студенты», 1987) – все полно жизни. Жизни особой, ленинградской-петербургской, проходящей не столько на фоне или в пространстве города, а являющейся самой его плотью, существом. Ленинградцы-петербуржцы – часть этой самой пейзажной «ткани», из которой их никак невозможно «вычленить».

В отдельную группу следует выделить панорамные пейзажи, выполненные «с городских крыш». Их образный строй объединяет кисть художника-монументалиста. Иногда ловишь себя на мысли, что эти станковые работы чаще всего не очень больших, средних размеров могли бы быть фрагментами крупных монументальных росписей. «Белая ночь» (1994), «Хранители города», «Вознесенский проспект» (обе – 2001), «Невский проспект», «Исаакиевская площадь», «Хранитель города», Дворцовый мост» (все – 2002). В них – стремление вникнуть в самую глубинную суть неповторимости, таинственности, даже мистического смысла города, который остается загадкой для самых гениальных мастеров искусства и литературы. Постигание характера Великого города – это, думается, постоянная творческая задача художника.

Даже путешествуя, Михаил Кудреватый в облике европейских городов пытается разглядеть черты, роднящие их с любимым городом, найти похожесть в мотивах, в ракурсах. Таковы пейзажи Парижа, Венеции, Флоренции, Рима (2000, 2006, 2007).

Пейзажи России – отдельная страница творчества художника. Российская глубинка хорошо известна художнику, в особенности –

Русский Север. Художник ценит села и города России, видит непреходящую ценность их уклада, архитектуры, своеобразия природных мотивов, крепость и цельность характеров их жителей.

Портрет в творчестве художника играет не последнюю роль, часто он синтетичен, включаем в другие жанры. Безусловно, привлекательны художнику модели, близкие по духу, по устремлениям, профессионально. Проникновенны портреты близких. Семейные ценности – из главнейших. Это демонстрируют работы «Портрет отца» (1974), «Юра на даче» (2002), «Портрет хирурга-онколога А. С. Барчука» (1985), «Портрет жены» (1996), «Новгородские высотники. Реставраторы» (2000), «Новгородская семья» (2000).

Особая область в творчестве художника – это церковная монументальная живопись. В своей профессиональной деятельности художник руководствуется заветом Виктора Михайловича Васнецова: «...украшение храма <...> дело высочайшего искусства. В храме художник соприкасается с самой положительной стороной человеческого духа – с человеческим идеалом». Постигание и достижение в своем творчестве этой духовной составляющей представляется художнику не менее важной задачей, чем собственно высокопрофессиональная живописная работа.

В 1999 году Михаил Кудреватый выполнил огромную работу – роспись Покровского собора Зверина монастыря в Великом Новгороде. Были в полном объеме исполнены росписи знаменитого древнерусского храма на месте утраченных и до наших дней не дошедших. Успех и высокая оценка специалистами и церковными кругами этой работы позволили художнику приступить к реализации следующей непростой творческой

Преображение. Роспись фронтона северной стены церкви Рождества Христова на Средней Рогатке в Санкт-Петербурге

Спас Вседержитель. Роспись купола церкви Рождества Христова на Средней Рогатке в Санкт-Петербурге

задачи. Ему были поручены росписи в храме Рождества Христова и часовне во имя Святых Царственных Мучеников на Средней Рогатке в Санкт-Петербурге (росписи и внутри храма, и наружные). Новостроенные сооружения в комплексе церковных строений требовали других подходов и иных решений, с которыми живописец

справился. Они также стали творческой удачей мастера.

Подлинно петербургский художник Михаил Кудреватый уже, пожалуй, достиг творческой зрелости, определился с кругом художественных задач и тем, которые ему по силам решить.

И Петербург, и петербуржцы – в числе его приоритетов.

